

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрами.

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрами.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Л. ФЕДОРОВА

НОСТАЛЬГИЯ

Как хочется по-детски рассмеяться,
Как хочется по-взрослому любить.
Не хочется с друзьями расставаться,
Не удается прошлое забыть.

И настоящее порою затмевая,
И тяжким грузом сердце давит нам,
Всем существом овладевая,
И бьет по нашим же годам.

Мы здесь... на Родине своей,
Что там? — Остались лишь могилы.
Да и не пел там соловей,
А здесь родное, и все мило:

Земля, леса, родные лица,
И церковь куполом блистит.
Ведь прошлое нам только снится,
И настоящее — дарит.

А. РАДЧЕНКО

РЕКВИЕМ «КУРСКУ»

Подлодка к пирсу больше не вернется,
Ее беда постигла в глубине...
И только море, Баренцево море,
Венок качает тихо на волне.

И чайки плачут над пучиной в горе,
И не дожидаться моряков — родным.
И только море, Баренцево море,
Как собачонка, лижет руки им.

Последнего вздоха израненной подлодки
Из глубины не слышит эхолот,
И только море, Баренцево море,
Седым прибоем горе донесет.

И вся Россия — слезы вытирает...
Видяево — комком в груди у ней.
И штормы моря, Баренцева моря,
Оплакивают лучших сыновей.

И черной лентой траурные звуки
Обволокут глубин нетленный прах...
Российский флот и Баренцево море
Приспуют с мачт Андреев гордый флаг.

В. ТЮТЮННИК

Я сделать больно не хотела Вам,
Плохого вовсе не желаю.
«Всего хорошего», — я говорю друзьям,
А Вас я просто провожаю.

Считала другом Вас, я доверяла Вам,
Искала радости и утешенья.
Платить не хочется мне по счетам,
Прошу, оставьте униженья!

С меня довольно, Вас я позабыла
И не желала Вам тревог.
За истечением лет я все простила,
Вас за меня накажет Бог!

Мне холодно даже в жару,
Любимой хочу я казаться,
Тебя постоянно ишу
И жизнью хочу наслаждаться.

И тяжко, и горько одной.
Всегда от людей я скрываю
О том, что я плачу порой
И поздно одна засыпаю.

М. МУХИНА

Вот и все. Расходятся судьбы.
Параллельных дорог череда,
Но твои раскаленные губы
Следом в памяти навсегда.

На ладонях снег не растаял,
Превратился в кусочек льда.
Это ты свое сердце оставил
Следом в памяти навсегда.

Заблестела луна на небе,
Стонут в холоде провода.
Ты, как зимнее, снежное небо
Следом в памяти навсегда.

Д. ТОЛКАЧ

На Рождество растаял снег,
Зима слегка дождем всплакнула —
На новый, двадцать первый век,
Природа мачехой взглянула.

И оголенная земля,
Водой напитанная вволю —
В недоумении. Поля —
Попали к слякоти в неволю.

Кустам, деревьям — невдомек,
Что это лишь каприз природы,
Что лопнут почки их. Не в срок,
Как преждевременные роды...

Вот так и мы, порой, обман
В потоке чувств узнать не можем,
Страдаем от душевных ран,
Хотя для тех, кто осторожен,
И только именно для тех,
Обман — как снег, как этот снег...

В. ЧИРОК

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Отдохни, мой милый мальчик,
Баю-бай.
Солнца темный рыжий зайчик,
Силы дай!

Ты укрой свое сердечко
Навсегда.
Не уйдет судьбы колечко —
Никуда.

Не грусти, сомкни ресницы,
Засыпай.
Видишь — звезды вереницей
Прямо — в рай.

Не вини себя напрасно,
Все забудь...
Жизнь — она ведь так прекрасна!
Краток путь.

А. КОЛМАКОВ

К кому твоя душа стремится?
Ответь. Ты правду мне скажи!
Ведь разве ж это грех влюбиться
Не ради тела. — Для души?!

Гремят пусть плотские созданыя
Весь долгий век.
Ты верь в духовное слиянье
Двух душ — двух рек.

Май ВЛАДИМИРСКИЙ

Чем дальше в жизнь,
Чем дальше в даль,
Тем неясней дорога.
Зачем живешь?
Что сердцу жаль?
И отчего тревога?
И почему друзья твои
Уходят и уходят
В былое, в память,
Просто в дни,
Которые проходят.

О времена. О нравы...
Опять вы все не правы.
Опять вы все лукавы
О времена. О нравы.
Вы говорите словно —
Все это так условно,
А я шепчу: не правы
О времена. О нравы...
Вся эта бесконечность
И есть, наверно, вечность.

РАССКАЗ

В. АНАТОЛЬЕВА

ОТПУСК

Шура шел по родному городу. Сколько раз мысленно, там, на войне, он проходил по улицам Новозыбкова. И сейчас, стоя на знакомой земле, он до конца не мог осознать, что это наяву. И хотя сильно болела обгоревшая грудь, он с наслаждением вдыхал родной воздух полными легкими. Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрами. И лишь взорванная водоканка напомнила ему, что и его родной город был недавно в оккупации. Больно кольнуло под лопатку.

— Ничего, ничего, — подумал он, — после войны все отстроим, — он вздохнул, — лишь бы дожить до Победы.

Он заметил, что и людей на улицах стало совсем мало, — не то, что до войны. Редкие прохожие, увидя военного, останавливались, вглядываясь в его лицо, пытались узнать в нем своего сына, мужа, брата.

Город погрузился в темноту, но Шура знал, что даже с закрытыми глазами найдет самую уютную улицу Бульварную, и самый теплый в мире дом, где ждут его сестры и самая нежная во всей вселенной — мама Голотиха, как ее все звали в городе. Его рука невольно ошупала грудь, как будто он мог через одежду почувствовать фотографию родных. Казалось, что она согревала его в этот холодный зимний вечер. Последнее время, в госпитале, он часто видел во сне мать. Он чувствовал, что она пыталась ему что-то сказать, но не могла. Вспомнив о матери, Шура поймал себя на том, что не идет, а бежит. И вот он уже видел колодец, дом тетки Хрити, а за ним — теплый свет своих окон. Свет родного дома. И чем ближе подходил он к своему дому, тем тяжелее становились ноги, тем сильнее билось в груди сердце. Казалось, что стук его был слышен по всей улице. Он

женщина девчонкам, расстегивая куртку таксиста.

— Ну что ты, мамочка. Я сам, — смутился Шура. Поспешно встал, снял с плеч мешок, затем снял куртку и сел на скамейку под иконой, где сидел еще босоногим мальчишкой.

— Ты надолго, сынок? — спросила мать не поворачиваясь, задержав в руках кринку молока.

— Надолго, мамочка, целых 10 суток.

Она ничего не ответила. Все сели за стол, где стояли картошка, сало, молоко. Но мать не ела. Она сидела и смотрела на сына и все подкладывала ему еду в тарелку, а он все рассказывал и рассказывал о войне, а девочки все просили и просили его продолжать.

— Ну, хватит, балаболки, видите, Шура надо отдохнуть с дороги, — строго прервала их мать.

Девочки нехотя встали и недовольные ушли.

Шура лег. Запах родного дома убаюкал его, и он крепко, спокойно заснул, впервые за три года. Открыв глаза, он увидел мать. Она сидела возле и нежно гладила его по голове, совсем как в детстве. Руки матери, как и прежде, пахли хлебом и молоком. Он взял ее натруженные ладони, притянул к себе и прижал к лицу.

— Как я люблю запах твоих рук. Как он часто преследовал меня на войне в трудные минуты. Знаешь, я готов поклясться, что это твои руки подняли меня, когда я лежал обгорелый, — он перешел на шепот. — Не смейся, я даже видел тебя, как ты склонилась надо мной. Мать поцеловала его.

— Мам, я всегда перед боем разговариваю с тобой, — он серьезно посмотрел на нее, как бы хотел получить ответ на давно мучивший его вопрос. — Я глупый, да, мам?

— Ну что ты, сынок. Я тоже каждый день молюсь Богу и прошу его уберечь тебя от пули, от болезни. Это не глупость, а любовь. Я так боюсь за тебя.

Он обнял ее, а она все гладила и гладила его по жестким волосам. Какая хрупкая и маленькая оказалась мать в его сильных руках, но почему он чувствует себя так спокойно и защищенно в ее нежных маленьких руках? Он опять почувствовал себя маленьким мальчиком и совсем как тогда, в далеком детстве, уткнулся головой в ее остренькое плечо.

Дни летели незаметно. Мать стала ненавидеть каждое новое утро, которое приближало разлуку с сыном. И с каждым днем сердце все больше и больше сжималось у нее в груди. Ей стало казаться, что оно превратилось в ноющую занозу. Десять дней пролетели, как один день. На вокзале мать шутила, смеялась, но от Шуры не ускользнуло, что глаза ее таили печаль и боль.

— Не волнуйся, мамочка, — пытался он успокоить ее, — таких, как я, пуля уже не берет. Кто воюет с 41-го — замороженные от них, что ли. Жди меня. Я вернусь, приду и постучу в окно тихо-тихо. Не плачь.

При этих словах что-то внутри у Голотихи оборвалось. Она почувствовала, что больше никогда не увидит сына. Толкнув Зойку, она с воем бросилась к Шуру и крепко обняла его за шею:

— Не пушу, не пушу, — закричала она на весь вокзал.

Поезд тронулся. Шура с силой разжал руки матери, быстро поцеловал сестренку и прыгнул в вагон...

Начались Крещенские морозы. От Шуры не было никаких известий. В эту ночь она так и не смогла заснуть. Почему-то вспоминала Шуру маленьким. Вспоминала, как он залез к тетке Христе в сад. Она тогда сильно его ругала. И так и не смогла понять, почему он полез в чужой сад с мальчишками, когда у самого в саду яблок видимо-невидимо. И почему кисло-горькие яблоки соседки вкуснее своих сладких, наливных. И чем ближе приближался рассвет, тем тревожнее становилось у нее на сердце. Она встала, на часах было 5 утра. Оделась, вышла во двор. Лампочка на крыльце осветила снег. Он переливался всеми цветами радуги. Но из этого великолепия она уловила только красный цвет.

— Как кровь, — подумала она и ужаснулась своим мыслям.

К семи часам тревога пульсировала в каждом ее движении. Вскоре она превратилась в пучок воспаленных нервов. Мысли постоянно возвращались к сыну. Она подошла к калитке и вдруг услышала Шурина голос. Он четко позвал ее:

— Ма-ма.

Она с силой рванула калитку. Выбежала на пустую улицу. Она хотела вернуться в дом, но возле колодца увидела сына. Шура стоял, прижав руки к животу, весь в дыму. Она побежала к нему... Когда девочки встали, то увидели мать, стоящую на коленях перед иконой. Так простояла она целый день, никому ничего не объясняя...

Отремела война. В городе восстановили водоканку. В один из летних вечеров к Голотихе приехал друг Шуры, которого ее сын вытащил из горящего танка. И только тогда она узнала, что сын ее погиб именно в тот день и час, и последнее его слово было слово «ма-ма», которое мистическим образом дошло до адресата в то Крещенское морозное утро 45-го.

подошел к окну и тихо-тихо постучал дрожащей рукой. Ему стало жарко, как летом, капельки пота выступили на лбу.

— Кто там? — услышал он знакомый с детства голос. Он узнал бы его среди тысячи голосов — голос его матери. Ему захотелось громко крикнуть:

— Мамочка, родная — это я, Шура!
Но почему-то ответил неожиданно для самого себя:

— Мамаша, дай спичек, пожалуйста, — и сам не узнал своего голоса. Он был какой-то чужой, хриплый от волнения. Он слышал, как мать позвала:

— Зойка, возьми-ка спички, да не забудь хлеба отрезать, и быстрее.

— Ладно, — лениво ответила черноволосая, быстроглазая девчонка. Зойка выскочила на улицу, прижимая к груди хлеб, но чьи-то сильные руки подхватили ее и закружили в объятиях. Девочка испуганно вскрикнула, но через секунду радостный крик пронзил морозный воздух, повисая над улицей. На крик выбежала мать. Она увидела Зойку, которая крепко обнимала военного и восторженно кричала. Женщина вглядывалась в темноту. Было видно, что она узнала в военном сына, но почему-то не могла поверить своим глазам. Она хотела подойти поближе, но ноги ее не слушались, и она тихо опустилась на порог, прижав руки к груди. Слезы радости текли у нее по щекам. Шура поставил на землю сестру, шагнул к матери, поднял ее, и они обнялись. Казалось, они не слышали радостных воплей ни Зойки, ни Лариски, ни Верки, которые прыгали вокруг них. Они стояли молча, боясь разжать объятия.

— Да что же это я, дура старая, держу тебя на морозе. Идем, сынок, в хату, идем, — опомнилась Голотиха, не отпуская сына, как будто боялась, что он исчезнет.

Очутившись в теплом, родном доме, где он знал каждый уголок, Шура почувствовал спокойствие и уверенность. Только сейчас мать разжала руки.

— Ну-ка, быстро собирайте на стол, — сказала

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрами.

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрами.

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрами.

разлуки с матерью и сестрами.